

УДК 1(091)

Этический ракурс рассмотрения категории свободы в западной и отечественной философии

Красильникова Мария Владимировна

Кандидат философских наук, старший преподаватель,
Раменское приборостроительное конструкторское бюро,
140103, Российская Федерация, Московская область, Раменское, ул. Гурьева, 2;
e-mail: marikras123@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается глубинная взаимосвязь свободы и морали, отраженная в трактовках некоторых представителей западной и русской философии. Актуальность темы заключается в ее насущности в современных условиях постоянно сужающегося смыслового личностно-выявляемого пространства, духовного кризиса и необходимости формирования и выработки ответственного и сознательного отношения к миру. Взаимосвязь вышеуказанных категорий в работе раскрывается на примере сравнения двух основных подходов к интерпретации вышеуказанной взаимосвязи: рационального и иррационального. Рациональный подход разрабатывался в западной философии, был усовершенствован и апробирован в этическом учении И. Канта, вылившись в гипотетико-императивное толкование проблем этики. Иррациональный подход был предложен А. Шопенгауэром и развит Ф. Ницше, отразившись в современных экзистенциально-антропологических направлениях в философии. Особенное (провиденциальное) звучание взаимосвязь свободы и моральности приобрела в творческом персонализме и философии свободного духа Н. Бердяева и космоцентрически-интуитивистском толковании такой взаимосвязи в философии права Б.П. Вышеславцева.

Для цитирования в научных исследованиях

Красильникова М.В. Этический ракурс рассмотрения категории свободы в западной и отечественной философии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 4. С. 70-80.

Ключевые слова

Свобода, рациональное, иррациональное, воля, морально-нравственное просветление, человеческий поступок, ответственность, этическая мотивация, практическое действие, свободный выбор.

Введение

Тема свободы и ее взаимосвязь с моралью прослеживается в трудах как западных, так и отечественных мыслителей. Серебряный век Российской культуры в этом отношении явил через его представителей особенное (личностное) отношение к данной проблематике, обретшей в результате свою огненную и непередаваемую сущность. Именно тогда эта тема стала центральной, так как отразила стремление представителей творческой элиты России к подлинному самораскрытию и моральному действию. И это несмотря на то, что стремление быть свободным только с одной стороны связано со светлым, радостным взглядом на вещи, с другой же открывается нечто противоположное – разочарования, страдания, не в последнюю очередь сопряженные с поиском выхода из состояния, которое можно определить как тоску или несвободу, проникающую в алчущую творческого размаха и вдохновения душу.

По этому поводу Афанасий Фет, например, пишет, что «эти-то жизненные тяготы и заставляли нас в течение пятидесяти лет по временам отворачиваться от них и пробивать будничным лед, чтобы на мгновение вздохнуть чистым и свободным воздухом поэзии» [Соловьев, 1996, 10-11].

Именно поэтому для творческой личности в мире в целом никогда не вставал вопрос о том, жертвовать ли своим внутренним спокойствием и «мещанским благополучием» во имя поиска и отстаивания высшей правды на земле. Только так поэт и философ мог обрести и обретает донныне внутреннюю гармонию и мотивацию для дальнейшего самосовершенствования. В этом смысле вышеуказанную взаимосвязь можно трактовать как провиденциальную и репрезентирующую подлинный смысл человеческого существования и оправдание последнего. В процессе развития и доказательства этой идеи мы предпримем небольшой экскурс в историю мировой философии и проанализируем несколько ключевых концепций, в которых раскрывается суть и главное назначение вышеуказанной взаимосвязи.

Рациональный подход к трактовке взаимосвязи свободы с моралью в философии

Тема свободы всегда привлекала человечество. Почти ни один мыслитель не обходил ее стороной. Однако находились такие, которые считали ее самой главной, по-новому высветляющей, казалось бы, всем известные истины. В философии сложилось два основных способа ее истолкования, отражающих прямую связь с постановкой моральных вопросов и попыткой их решения: рациональный и иррациональный. Эти способы взаимосвязаны, так как содержат элементы друг друга, но именно второй сыграл значительную роль в формировании новой культурно-исторической реальности, дополнив рациональный более активными, хоть и проблемными порядками отношения человека к окружающей действительности.

Ведущим представителем рационального подхода к рассмотрению свободы как одновременно индивидуальной и общественной является Иммануил Кант (1724-1804). Данное понятие он положил в основу своего морального учения и переработал с этой целью этические категории.

До него это понятие напрямую не анализировалось, подспудно получая вид попытки разрешения вопроса о свободе воли, которая либо отрицалась (например, Мартином Лютером) [Лютер, 1986, 290-546], либо отстаивалась (например, Эразмом Роттердамским в споре с последним) [Роттердамский, 1986, 218-290].

Бенедикт Спиноза, написавший фундаментальный труд «Этика, рассматриваемая в геометрическом порядке», приравнивает свободу к осознанной необходимости. По этому поводу он, в частности, пишет, что «в природе вещей нет ничего случайного, но все определено к существованию и действию по известному образу из необходимости Божественной природы» [Спиноза, 1957, 336]. Этим он придает категории свободы насущно-жизненный статус.

Можно также вспомнить о Джоне Локке и Джоне Мэдисоне, в свое время выдвинувших идею либерального общества, а также о французских энциклопедистах, среди которых самым ярким и явным «вольномудрецом» был Ж.Ж. Руссо, отказывавший наукам и искусствам в праве направлять человечество по определенному эволюционному пути в случае их аморальности и бездуховности, то есть обездолении сущностной природы человека в плане порабощения совести или собственного голоса.

Тема обретения человеком свободы с целью морально-нравственного просветления особенно была близка российскому народному духу. Это отражено уже в «Слове о законе и благодати» Иллариона, «Задонщине», «Сказании о Мамаевом побоище», «Повести временных лет», в диалогах и трактатах Г.С. Сковороды. Например, один из этих диалогов называется «Беседа, нареченная вдвое, о том, что блаженным быть легко».

Однако до И. Канта никто из философов не пытался придавать свободе фундаментальное значение. По И. Канту, свобода – единственная из всех идей спекулятивного разума, возможность, которую хотя мы и не постигаем, но знаем a priori, так как она есть условие известного нам морального закона. Идеи же о боге и бессмертии – условия не морального закона, а только необходимого объекта воли, определенной этим законом, т. е. условия одного лишь практического применения нашего чистого разума. То есть свобода – это данность, которая существует до всяких размышлений о Боге, добре и зле. Такое значение свободе И. Кант придавал потому, что только на основе свободного выбора можно говорить об ответственности за свои поступки. Быть моральными – значит быть свободными, включая и требования практического разума. Ведь моральным следует быть безо всякой цели, иначе это не нравственность, а практицизм [Кант, 1966, 314-315].

В то же время каждый человеческий поступок представляет собой некое практическое действие, вытекающее из человеческого решения и умысла. Делать или не делать? И здесь

на первое место ставится мотив о неизбежности рока. В этом случае человек также оказывается свободным. Например, от самой неизбежности и суеверий.

По И. Канту, есть две разные свободы – феноменальная (свобода как проявленный хаос или порядок в природе, одновременно случайная и необходимая) и ноуменальная (свобода как реализация внутренней и осознанной необходимости действия). И только вторая является свободой в полном смысле слова, так как действительно свободными являются люди, преодолевающие жизненные препятствия. И именно в этом случае свобода – условие воплощения в жизни общества морального закона, так как без ее обретения человек не несет ответственности за принятые решения и совершенные поступки [там же, 315-316]. Таким образом, в своем моральном учении И. Кант, наметив два подхода к пониманию свободы, иррациональный и рациональный, сделал акцент на последнем и придал ему значение первостепенной значимости.

Иррациональный подход в трактовке понятия свободы и ее взаимосвязи с моралью в философии

В дальнейшем взаимосвязь свободы и моральности делает основополагающей другой немецкий философ и этик Артур Шопенгауэр (1788-1860), внесший значительный вклад в разработку этой темы с точки зрения придания последней иррационального ракурса.

Это выражалось, во-первых, в том, что свою философию он основывает не на логике и разуме, а на чувствах и эмоциях. Об этом он, например, пишет в своем труде «Мир как воля и представление» (*Die Welt als Wille und Vorstellung*, 1819), утверждая, что более приемлемым основанием для философии является не наука, а искусство.

Во-вторых, в том, что он принципиально не принимал логицизма Гегеля, который, как известно, наделял понятие (абсолютную идею) способностью к саморазвитию и порождению мира природы. Об этом в своей работе «Две основные проблемы этики. О свободе воли» Шопенгауэр пишет, что философия Гегеля, являющаяся простой пародией на схоластический реализм и одновременно спинозизм, оказала на философию «и через это вообще на всю немецкую литературу крайне пагубное... влияние...», придав им «поверхностную форму безличностно-должного» [Шопенгауэр, 2005, 17-18].

Для самого Шопенгауэра наиболее важным являлась не столько логика, сколько жизненное проявление сущности явлений. На этой основе философ пытается вывести главный принцип этики, заключающийся в свободе воли. И здесь на первый план он выводит понятие человеческой мотивации. Эту мысль он развивает во всех своих главных трудах: «Мир как воля и представление», «Афоризмы житейской мудрости», «Об основе морали».

Пытаясь разобраться в смысле бытия человека, его духовного самосовершенствования, Шопенгауэр пишет, что благородный характер, большие способности, счастливый, веселый нрав – первое и важнейшее условие наше-го счастья.

Определение понятию свободы он дает в работе «О свободе воли»: свобода – это этическая категория, подразумевающая отрицание физических, интеллектуальных и моральных преград и помех. Бывает (в отрицательном смысле) физическая, интеллектуальная и моральная свобода. Но для человека реальной является именно свобода воли или хотения, которая обнаруживается в момент его удержания от поступков простыми мотивами вроде угроз, обещаний, опасности. Наиболее же важными являются духовные мотивы, рождающиеся в душе человека. В этом смысле человек является мостом из этого худшего мира в лучший [Шопенгауэр, 2005, 22-23].

Продолжателем и своеобразным толкователем иррациональной линии в философии являлся немецкий философ Фридрих Ницше (1844-1900), положивший идею свободы в основу своего мировоззрения и литературной практики. Его труды носят оттенок своеобразия, они очень метафористичны. В его этической установке проявляется неоднозначная трактовка морали, интерпретируемая в двух смыслах – положительном и отрицательном.

В положительном смысле, мораль – это необходимая данность (с точки зрения утверждения в мире подлинной человечности), в отрицательном, по Ницше, традиционном, мораль сдерживает творческие начала и навязывает человеку неестественные и несвойственные его природе образцы поведения.

В этом смысле Ницше предлагает отказаться от традиционной морали, так как она сковывает человеческую жизнь, свободу, т. е. то, что делает человека человеком, личностью. Но это не означает ее полного отрицания, а только попытку переосмысления ее роли в обществе, переоценку устаревших ценностей. Поэтому общепринятую мораль он иронически характеризует как вялый обмен веществ в организме. И выводит два вида морали: мораль рабов и мораль господ.

Что касается первого вида, то, как пишет немецкий мыслитель в своем труде «Веселая наука», в течение многих столетий индивидуум страшился малейшей независимости от общества, страшился свободы. «Свобода мысли считалась сплошным неудобством... Быть самим собой, мерить самого себя на свой аршин – тогда это противоречило вкусу» [Ницше, www].

В этом, согласно Ницше, проявляется двойственность человеческой природы. С одной стороны, человек есть творец, а с другой – тварь.

Творцу внутренне присуща сила, слабость – природа твари. Поскольку основным признаком рабского состояния является страх перед жизнью и смертью, который есть не что иное, как слабость, то следует признать, что господин и раб не только внешне противостоят друг другу, господское и рабское внутренне присущи природе человека. Человеческое в этом смысле должно быть преодолено. Здесь речь идет о преодолении тварной, тянущей вниз, к деградации стороны сущности человека, а не о противоположной – духовной, ищущей и созидающей.

В трудах Ницше, где соседствуют противоречия, этот аспект выражается следующим образом: «...мне казалось всегда, что лучше я делал, когда учился больше радоваться.

С тех пор как существуют люди, человек слишком мало радовался: лишь это, братья мои, наш первородный грех! И когда мы научимся больше радоваться, тогда мы лучше разучимся причинять другим горе и выдумывать его. Поэтому умываю я руку, помогавшую страдающему... вытираю я также и душу...» [Ницше, 2011, 77].

И здесь мы, с одной стороны, слышим голоса иного, нерационального и свободного отношения к миру. А с другой, этот мир полон ответственности за беды и страдания своих ближних, поэтому человек ищет отрешения от суетных и неправых дел, которые являются самыми обычными и творятся по причине недомыслия тех, кому всегда некогда, кто торопится урвать от жизни побольше и прямо сейчас.

Совершенно не таков Заратустра – одинокий герой, подвижник духа. Он страдает в мире обыденного и ищет высший смысл, пытается вернуть ему первозданную свежесть восприятия.

На этом основании можно сделать вывод о том, что если Ницше и не принимал христианства, то только потому, что не соглашался с его догматизированной формой реализации в жизни общества. Эта форма (католическая, протестантская или иезуитская) как бы тормозит развитие человека и мешает раскрытию данных ему от природы возможностей, т. е. самосовершенствованию.

Такое духовное и иррациональное стремление к свободе оказало в дальнейшем определяющее влияние как на западную, так и на русскую философию. В результате на Западе и в России формируются несколько последовательных философских направлений: философия жизни, экзистенциализм и философская антропология. Общим для этих направлений, не всегда однозначно интерпретирующих категорию свободы, является вышеуказанная взаимосвязь свободы и моральности, их нерасторжимость и взаимообусловленность. Проиллюстрируем данный вывод в процессе рассмотрения двух ведущих этических концепций в русской философии первой половины XX века.

Взаимосвязь свободы и морали в русской философии

Рассмотрим сначала позицию Н.А. Бердяева (1874-1948), сделавшего тему свободы центральной и продолжившего линию Ф.М. Достоевского, еще одного представителя философии жизни, современника Ф. Ницше, заключающуюся в трактовке свободы как соучастия в делах мира. При этом позицию Н. Бердяева принято относить к персонализму, так как в центре его исследований находились проблемы человека, его свободы, творчества и назначения. Центральной антропологической категорией, разрабатываемой им, является категория личность, которую Николай Бердяев кладет в основу своего свободного учения о человеческом духе. По Бердяеву, личность – это не личина-маска, а единство в многообразии, самосозидание. Личность формируется в борьбе со злом как внутри себя, так и вовне и призвана вести борьбу против рабства за собственное освобождение.

Существует два вида свобод: «свобода от» и «свобода для». Первая призвана освободить человека от пути растворения в мире социальной обыденности, приспособления к нему, конформизма, отчуждения, эгоцентризма, приводящих к механистическому истолкованию своей сущности и гнетущему чувству одиночества.

В этой связи религиозный мыслитель предлагает тип свободы «для» как приравнивающий свободу к духу. По этому поводу в работе «Философия свободного духа» он пишет: «в духе все определяется изнутри, из глубины. Быть в духе значит быть в самом себе. И необходимость природного мира для духа есть лишь отражение его внутренних процессов» [Бердяев, 1994, 87].

По Бердяеву, «обрести подлинную свободу значит войти в духовный мир», поэтому свободу он определяет как свободу духа. В силу этого, философ резко выступает против объективации и рационализации в сфере познания человеком окружающего мира. С его точки зрения, смысл вещей раскрывается не в объекте, входящем в мысль, и не в субъекте, конструирующем свой мир, а в третьей, не объективной и не субъективной сфере, – в духовном мире. Поэтому дух – это и есть свобода и свободная энергия, прорывающаяся в природный и исторический мир. Но духовная сила в человеке изначально носит не только человеческий, но и богочеловеческий характер. Этот характер имеет вполне конкретный смысл. Свобода, как пишет Бердяев, не должна быть безоглядной и предполагает и жалость к земному миру, ближнему, более несовершенному и т. д.

Эти два пути, восхождения и нисхождения, он объединяет, ссылаясь на Евангелие. Стремясь к свободе, человек не может снять с себя ответственность за других. Ведь «каждый отвечает за всех». Как он пишет, христианство всегда воспринималось им «как милосердие, сострадание, прощение, человечность». Здесь он цитирует Евангелие о том, что первые (восходящие) будут последними, а последние будут первыми. И чтобы не быть последними, восходящим (к свободе, духовности), нужно нисходить. Под этим он подразумевает деятельную любовь к ближнему, к «последним» по своему положению. «Поэтому христианство основано на сочетании восходящего и нисходящего движения, на свободе и жалости, любви к ценности и качеству и любви к ближнему, любви к божественной высоте и страждущим внизу» [Бердяев, 1994, 65].

Еще один русский религиозный философ-правовед, Б.П. Вышеславцев (1877-1954), сотрудничавший с Н. Бердяевым и учившийся на юридическом факультете вместе с другим борцом за права человека, философом И.А. Ильиным, разделяет персоналистскую позицию первого в этике и развивает собственное понимание свободы. По сложившейся традиции он разделяет ее на два вида, давая им названия низшей и высшей.

В статье «Вольность Пушкина» он пишет, что низшая, глубинная, иррациональная свобода выявляется в своеволии страстей или как бессознательная, стихийная мощь души. Этот вид свободы есть космическая, природная, животная стихия, непонятная и непокорная человеческому закону, «иногда губительная, и все же прекрасная в своей таинственной

мощи» [Вышеславцев, 1994, 174]. Такая свобода очень близка музе Пушкина, отображая русский дух или стихию. Понимание ее значимости проходит красной нитью во многих произведениях русской классики. У самого Пушкина это выражено в стихотворении «Песни о Стеньке Разине», оде «Вольность», «Предчувствие» и др.

Высшую свободу Борис Вышеславцев также понимает иррационально, подбирая к ней разные эпитеты: безумие, вольность, буйство, восторг, страсти, стремление. Но ни в коем случае не покой, равновесие, рассудочность, безволие и т. д. Ведь она неизменно связана с конкретной жизнью личности.

По этому поводу в вышеуказанной статье он пишет, что истинная глубина и высота свободы раскрывается лишь в конкретной жизни личности, в личности индивидуальной и в личности народной. Право и государство есть лишь организация такой свободы. Пушкин, как и Лермонтов, жизненно ощущал и творчески выразил всю многозначительность свободы, все ее ступени, понял ее глубину и ее высоту.

По Б.П. Вышеславцеву, свобода важна на всех ступенях, от низшей до высшей. Ведь условием творчества является стихийность природных сил и страстей. И даже космос творится из хаоса. То же самое происходит и с божественным творчеством. Есть иррациональные, таинственные, стихийные, Божественные энергии, из которых творится законная справедливость и рациональная понятность Провидения. И именно восприятие красоты оказывается в этом плане наиболее симптоматичным. Можно принудить к лести и притворству, к подхалимству, но нельзя принудить к тому, чтобы нравилось то, что не нравится. Подлинное искусство есть всегда «вольное искусство» [там же, 175]. В этом объединении свободы и права на волеизъявление и отстаивание идеалов высшей справедливости, по мнению философа, содержится смысл и назначение человеческого бытия.

Заключение

Итак, этическая интерпретация темы свободы в затронутых нами философских концепциях заключается в придании этой категории общечеловеческого жизненного смысла, мотивирующего субъекта на духовно-нравственный образ поведения. Это достигается в творческом созидании, преодолении бездуховного и безответственного состояния человеческой природы. В этом смысле назначение человека лично окрашено и выражается в единстве, в многообразии и самосозидании. Свободный человек борется со злом в себе и вокруг себя, в условиях современной действительности принимающем форму конформизма, отчуждения, эгоцентризма. При этом его моральность выражается в деятельной любви к более несовершенному и слабому, а свобода – в способности обретения жертвенной благодати. Такое понимание смысла взаимосвязи категорий свободы и моральности свойственно всем вышеперечисленным этическим концепциям, приобретающим в наши дни значение подлинной духовно-ценностной ориентации.

Библиография

1. Бердяев Н. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
2. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994. 368 с.
3. Кант И. Критика способности суждения // Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1966. Т. 4. С. 311-501.
4. Лютер М. О рабстве воли // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.: Наука, 1986. С. 290-546.
5. Ницше Ф. Веселая наука. URL: http://lib100.com/book/philosophy/veselaya_nauka/html/?page=128
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб.: Азбука, 2011. 352 с.
7. Роттердамский Э. Диатриба, или рассуждение о свободе воли // Философские произведения. М.: Наука, 1986. С. 218-290.
8. Соловьев В.С. О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // Фет А. Воздушный город. Стихотворения 1840-1892 гг. М.: Центр-100, 1996. С. 9-32.
9. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей // Спиноза Б. Избранное. М.: Мысль, 1957. С. 313-590.
10. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М.: Эксмо; СПб.: Мад-гард, 2005. 733 с.

The ethical perspective of the category of freedom in western and Russian philosophy

Mariya V. Krasil'nikova

PhD in Philosophy, Senior Lecturer,

Ramenskoe Design Company,

140103, Gur'eva st., Ramenskoe, Moscow region, Russian Federation;

e-mail: marikras123@yandex.ru

Abstract

The article examines the profound interconnection between freedom and morality, as reflected in the interpretations of some representatives of the Western and Russian philosophy. The article proves its importance due to the urgency of steadily tapering semantic personal-detectable space under the present conditions of spiritual crisis and the need to form a responsible and conscious attitude to the world. The author shows the interconnection between the

categories mentioned above based on the comparison of two main approaches to the interpretation of the relationship: rational and irrational. The former one was developed in the western philosophy, improved and tested in the ethics by Kant and developed into hypothetical-imperative interpretation of the problems of ethics. The latter one suggested by Schopenhauer and developed by Nietzsche was reflected in the modern existential-anthropological trends in philosophy. The article notes that the relationship between freedom and morality acquires special (providential) sound in the philosophy by Berdyaev (creative philosophy of personalism and free spirit) and in the cosmocentric-intuitionistic interpretation of this relationship in the law philosophy by Vysheslavtsev. The article concludes that the ethical interpretation of the theme of freedom in the philosophical concepts comes from enhancing this category with the universal life sense, a motivational subject on the spiritual and moral patterns of behaviour.

For citation

Krasil'nikova M.V. (2016) Eticheskii rakurs rassmotreniya kategorii svobody v zapadnoi i otechestvennoi filosofii [The ethical perspective of the category of freedom in western and Russian philosophy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 4, pp. 70-80.

Keywords

Freedom, rational, irrational, will, moral enlightenment, human act, responsibility, ethical motivation, practical action, free choice.

References

1. Berdyaev N.A. (1994) *Filosofiya svobodnogo dukha* [The philosophy of free spirit]. Moscow: Respublika Publ.
2. Erasmus of Rotterdam (1524) *De libero arbitrio Diatribe sive collatio*. In: Welzig W. (ed.) (1969) *Ausgewählte Schriften*. Darmstadt. (Russ. ed.: Erazm Rotterdamskii (1986) *Diatriba, ili rassuzhdenie o svobode voli*. In: *Filosofskie proizvedeniya* [Philosophical works]. Moscow: Nauka Publ., pp. 218-290.)
3. Kant I. (1790) *Kritik der Urteilskraft*. (Russ. ed.: Kant I. (1966) *Kritika spo-sobnosti suzhdeniya*. In: Kant I. (1966) *Sochineniya: v 6-ti t.* [Works: in 6 vol.], Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., pp. 311-501).
4. Luther M. (1525) *De servo arbitrio*. Wittemberge. (Russ. ed.: Lyuter M. (1986) *O rabstve voli*. In: Erasmus of Rotterdam. *Filosofskie proizvedeniya* [Philosophical works]. Moscow: Nauka Publ., pp. 290-546.)
5. Nietzsche F. (1882) *The gay science*. Available at: http://lib100.com/book/philosophy/veselaya_nauka/html/?page=128 [Accessed 28/07/16].

6. Nietzsche F. (1883) *Also sprach Zarathustra*. Chemnitz: Verlag von Ernst Schmeitzner. (Russ. ed.: Nitsche F. (2011) *Tak govoril Zaratustra*. St. Petersburg: Azbuka Publ.)
7. Schopenhauer A. (2004) *The wisdom of life*. London: S. Sonnenschein & Co. (Russ. ed.: Shopengauer A. (2005) *Aforizmy zhiteiskoi mudrosti*. Moscow: Eksmo Publ., St. Petersburg: Madgard Publ.)
8. Solov'yov V.S. (1996) O liricheskoi poezii. Po povodu poslednikh stikhotvorenii Feta i Polonskogo [On lyrical poetry. With regard to the last poems by Fet and Polonsky]. In: Fet A. *Vozdushnyi gorod. Stikhotvoreniya 1840-1892 gg.* [Air city. Poems 1840-1892]. Moscow: Tsentr-100 Publ., pp. 9-32.
9. Spinoza B. (1677) *Ethica, ordine geometrico demonstrata*. (Russ. ed.: Spinoza B. (1957) *Etika, dokazannaya v geometricheskom poryadke i razdelennaya na pyat' chastei*. In: Spinoza B. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Mysl' Publ., pp 313-590.)
10. Vysheslavitsev B.P. (1994) *Etika preobrazhennogo Erosa* [The ethics of the transfigured Eros]. Moscow: Respublika Publ.